

Функционирование языковых единиц фонетической системы уральского говора в произведениях устного народного творчества (на материале текстов заговоров)

Каждое произведение устного народного творчества создается в определенном языковом и культурном контексте и на протяжении долгого времени сохраняет обусловленную этим контекстом языковую и культурную специфику. Анализ фольклорного текста как продукта речевой деятельности, современных носителей говора приводит к пониманию необходимости комплексного изучения языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии в ходе исторического развития. Исходя из этого нам представляется весьма перспективным исследование функционирования единиц фонетического уровня в текстах устного народного творчества у представителей разных групп диалектоносителей.

В нашем распоряжении имеются материалы диалектологических экспедиций, собранные в с.Катарач Талицкого района Свердловской области (магнитофонные и блокнотные записи, картотека), представлены тексты различных произведений устного народного творчества (около двухсот пятидесяти текстов: песни, сказки, частушки, заговоры, различные стихотворные тексты).

Социолингвистический анализ вариантов фонетической системы говора, представленной во всем многообразии речевых реализаций в текстах устного народного творчества, позволяет глубже понять особенности функционально-стилистической дифференциации местных говоров, оценить влияние основных стилеобразующих внелингвистических факторов на функционирование языковых единиц в исследуемых текстах.

В соответствии с методикой социолингвистического анализа⁸¹ нами выделено 14 социолингвистических переменных в исследуемом говоре:

1. Произношение гласных *o/a* в первой предударной позиции после твердых согласных. 2. Произношение гласных *o/a* после твердых согласных в других безударных слогах. 3. Гласные звуки *u/e* на месте **ѣ** в ударной позиции между мягкими согласными. 4. Произношение

⁸¹ Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М., 1978. С. 188; Роджер Т.Белл. Социолингвистика / Пер. с англ. М., 1980. С.53.

a/e в позиции между мягкими согласными звуками под ударением. 5. Произношение *e/o* на месте *ѣ* перед твердыми согласными под ударением. 6. Произношение гласных *e/o* на месте *ѣ* в заударных слогах после мягких согласных. 7. Вокализм первого предупредного слога после шипящих и *ц*. 8. Произношение гласного в первой предупредной позиции после мягких согласных. 9. Произношение *в/w/ноль* звука. 10. Произношение аффрикат *ц, ч*. 11. Произношение *шш/шч/ш'ш'*. 12. Произношение *к/к'* в случаях ассимилятивного смягчения *к* после мягких согласных. 13. Сохранение/выпадение *j* в интервокальном положении в окончаниях прилагательных и глаголов. 14. Упрощение групп согласных *ст, с'т',зд, з'д' > с, с'* на конце слова.

Данные, полученные в ходе анализа, свидетельствуют о том, что функционирование единиц фонетической системы говора в текстах устного народного творчества подчиняется закономерностям, общим для всех диалектоносителей. Реализация переменных в конкретных речевых вариантах в рамках фольклорных произведений различных жанров позволяет сделать вывод об определенной соотносимости языковых фактов с жанрами произведений устного народного творчества, а также выделить основание этой соотносимости: главным критерием является ориентация диалектоносителя на произносительную норму, соответствующую тому или иному жанру фольклорного текста. Это может быть ориентация на норму русского литературного языка, городского просторечия (причем именно того временного периода, когда создавался текст), отмечающаяся в некоторых песенных и стихотворных текстах, а также ориентация на местную произносительную норму, представленная в «старинных» песнях, частушках, сказках.

Особый интерес представляет анализ текстов заговоров, т.к. функционирование языковых единиц современной фонетической системы в текстах заговоров подчинено особым (сравнительно с другими текстами устного народного творчества) законам, выявлены интересные факты расширения диапазона некоторых вариантов переменных, причем все эти варианты объединяет то, что они, во-первых, не являются чуждыми фонетической системе говора в целом, во-вторых, все они классифицируются как архаичные по сравнению с противопоставленными им альтернативными вариантами. Рассмотрим реализацию вариантов переменных в этих древних текстах.

Чтобы проследить наличие определенных корреляционных отношений между теми или иными лингвистическими фактами и социальными характеристиками говорящего, представим сравнительный анализ текстов заговоров, записанных у типичных представителей разных возрастных групп, т.к. из всех социальных факторов именно возраст является «самым важным фактором, обуславливающим владение информантами диалектной единицей»⁸². Кроме того, каждая социальная (возрастная) группа характеризуется «своеобразной подсистемой речи, отличительные признаки которой связаны с преобладанием структурных составляющих диалекта или литературного языка»⁸³. Назовем эти группы в соответствии с классификацией речевых типов: «Д» – речевой тип, который содержит все сохраняющиеся черты местного диалекта, и группа «Л», представляющая тип речи, максимально приближенный к нормам русского литературного языка⁸⁴.

Рассмотрим значения выделенных переменных в текстах заговоров:

1,2 – у информантов обеих групп оканье полное. Эта переменная не подвержена стилевому сдвигу для представителей группы «Д»: оканье отмечается в текстах нейтрального, разговорного стиля, при чтении списков слов, во всех фольклорных текстах, в том числе и в заговорах. Для группы «Л» вариант *о* является основным для нейтрального стиля речи. В ситуациях повышенного речевого самоконтроля, например, при чтении списков слов (когда человек максимально сориентирован на произносительную норму русского литературного языка) информанты группы «Л» стараются употреблять «акающие» варианты. В комментариях к заговорам представлены варианты типа: [абмывАт]', свидетельствующие о повышении речевого контроля в речи подростка. В самих текстах заговоров отмечается только «оканье»: [сполошшЫ] (сполоши);

3 – [л'Ич'ат], [м'Ис'ац], [в'Ит'ер] – эти варианты устойчиво фиксируются в исследуемых текстах. Для информантов группы «Д» они практически нейтральны – употребляются в разговорной речи. Представители группы «Л» в текстах заговоров также употребляют вариант

⁸² Ерофеева Т.И. Социальная стратификация речи горожанина // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1993. С.91.

⁸³ Орлов Л.М. Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. С.13.

⁸⁴ Там же. С.13–14.

и в этих словах, но в нейтральном, разговорном стиле речи вариант и на месте *e* между мягкими согласными под ударением у информантов «Л» практически не отмечается, не фиксируется он и в других фольклорных текстах;

4 – [гор'Еч'ej], [благосов'Ес'], [п'ер'екр'ес'т'Ес'], [точ'Ел'и], [оп'Ет']. В целом диапазон употребления варианта *e* информантами группы «Д» в заговорах немного шире, а для информантов группы «Л» значительно шире, чем в разговорной речи;

5 – [зв'Езды], [оз'Ев'ишша], [б'ер'Еза] и др. Произношение устойчиво для всех информантов, вне зависимости от того, какой вариант реализации этой переменной характерен для разговорного стиля речи: представители группы «Л» практически не употребляют в речи варианты типа [зв'Езды], однако в заговоре произносят эти слова так же, как и представители группы «Д»;

6 – вариант *o* является основным для информантов группы «Д»: [Им'о], [мОр'о], [бУд'от], [род'Имцоф] и под., в то же время в некоторых словах представлен и вариант *e*: [т'ажОлыje], [св'атОje], [ч'Астыje], что маркирует речевой контроль или «повышение» стиля для группы «Д». Вариант *o* широко представлен и в текстах, записанных от представительниц группы «Л», несмотря на то, что представители группы «Л» оценивают вариант *o* как «неправильное», «деревенское» произношение, и даже при незначительном контроле за речью, например, в клубе, вариант *o* практически не отмечается. Напомним, что тексты заговоров записывались на диктофон, уже это неизбежно вносит фактор речевого контроля в ситуацию общения с подростком. Обычно в ситуации повышенного контроля выбираются варианты, соответствующие произносительной норме русского литературного языка, или, при неполном владении последним, варианты, максимально приближенные к литературным⁸⁵. В текстах заговоров, как видим, употребляется диалектный вариант;

7 – [жал'Езным'и], [кл'уч'аевАя], [ч'аетьІr'e] – у всех информантов. Произношение гласных после шипящих и *ц* соотносится с вариантами произношения, характерными для разговорного стиля. Эта переменная не показательна, т.к. практически не поддается сознательному контро-

⁸⁵ Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989. С.139.

лю: даже при чтении списков слов (ситуация, когда информант стремится приблизиться к произносительной норме русского литературного языка) обычно употребляется тот вариант, который отмечается в нейтральном стиле речи;

8 – произношение гласных первого предударного слога после мягких согласных в целом соответствует варианту произношения, характерному для непринужденного стиля речи. Так, представители группы «Д» сохраняют тип произношения, аналогичный тюменскому «яканью» (из «еканья»), у представителей группы «Л» фиксируется «еканье», обычное для нейтрального стиля речи;

9 – произношение варианта *w* и выпадение звука *v* на фоне нарочито замедленного темпа речи у информантов группы «Д» представлено так же широко, как и в разговорном стиле речи: [gowop'И], [от pьl'кеo], [от п'jАноo], [от погАноo], [от пустоволОск'и], [с'Ероo], [сАмоwо], [булАтноwо], [p'et'Иowо], но [костовЫlх], [жыловЫlх] и под. У представителей группы «Л» вариант *w* не представлен. Наряду с вариантом *v* отмечены формы с его выпадением: [словА], [сАмоv], [p'et'Ивоv];

10 – в речи одного человека эта переменная не варьируется, употребление аффрикат соответствует варианту произношения, характерно для нейтрального стиля речи информантов;

11 – у представителей обеих групп фиксируется *шш*: [оз'Ев'ишшА], [удУм'ишшА], [сполошшЫl]. Вариант *ш'ш'* не отмечается даже у представителей группы «Л», последовательно употребляющих этот вариант в ситуациях, связанных с повышением речевого самоконтроля;

12 – в текстах заговоров не так много слов, в которых возможно было бы ассимилятивное смягчение *k*. У всех носителей говора вариант *k'* в этих словах последовательно отмечается: [в'Еточ'к'у];

13 – сравнительно с разговорной речью у всех информантов заметно резкое преобладание форм, в которых отсутствует выпадение */j/* в интервокальном положении в окончаниях глаголов, прилагательных и др. В заговоре, в отличие от песенных и стихотворных текстов (где */j/* сохраняется потому, что именно этот вариант произношения вплетен в структуру ритма и рифмы песенного или стихотворного текста), чисто теоретически существует возможность замены варианта с */j/* на вариант без *j*, например: [род'Имаjа грЫjа, костоваjа грЫjа, ломоваjа грЫjа, нУтр'аннаjа грЫjа, н'е пУп кусАjу, а грЫjу кусАjу, н'е м'ен'А грЫjа jЕс, а jА еjО jЕм], тем более что непосредственно за этим текстом в

комментарии идет вариант с выпадением *j*: [вот так наклАн'иваца она к пУпу и шОпчот ... род'Има грЫжа, нУтр'енна грЫжа, јЕто такА фсо бол'Ес'].

Эта переменная весьма показательна: сохранение *j* обычно маркирует стилевой сдвиг (повышение стиля), что справедливо для всех носителей говора;

14 – примеров упрощения $st > c$, $c'm' > c'$ немного: [јес] (ест), [от гОс'ји] (*гостья* – табуистическое 'болезнь', думается, произношение здесь лексикализовано). Варианты *c*, *c'*, являющиеся основными для нейтрального стиля речи всех информантов, обычно не употребляются в ситуациях, связанных с повышением речевого самоконтроля.

Таким образом, мы видим, что функционирование единиц современной фонетической системы в этих древних текстах подчинено особым законам: в текстах заговоров на фоне повышенного речевого контроля употребляются варианты, характерные для нейтрального, разговорного стиля речи (1,2,6,8,9,11,12,14-я переменные), расширяется диапазон употребления некоторых диалектных вариантов переменных, отмечены случаи, когда предпочтение отдается архаичному для информанта варианту произношения (3,4,5-я переменные). Также интересно отметить случаи произношения *ʝ* на месте *л* на конце слов в заговорах разными представителями группы «Д» ([м'Исѧ млАд, гд'е побывАѝ? Был у Ист'инноо Хр'истА на пре'стОл'е? – бЫѝ. В'Ид'ел Ант'Ипу зУбн'ика? – В'Ид'еѝ]) и т.д. – эта фонетическая черта не фиксируется в других текстах и не отмечается в нейтральном стиле речи, поэтому мы не выделяем ее в списке переменных.

Анализ переменных показывает, что выбор того или иного варианта не случаен, выделяются определенные закономерности, однако складывается впечатление, что объяснение этим закономерностям лежит за гранью собственно лингвистических выводов, социальная стратификация тоже не объясняет многих фактов.

Думается, объяснение этим фактам нужно искать в самом жанре. Что же отличает заговор от других произведений устного народного творчества?

В ряду фольклорных жанров жанр заговора стоит несколько особняком, ибо это текст, связанный с обрядовым действием, согласно теории первобытного синкретизма в нем не разграничены еще слово, вещь и действие. Помимо основного лексического значения слово в

обрядовом тексте выполняет еще и магическую, и эстетическую функции, поэтому значимым оказывается не только содержание, но и форма слова. Возможно, такое отношение к звучащему тексту заговора могло бы объяснить особенности функционирования языковых единиц в этих текстах. Однако правомерно ли переносить положения теории первобытного синкретизма на современный диалектный материал?

Учитывая то, что исследование проблемы функционирования языка неотделимо от изучения проблемы влияния культуры на речевой онтогенез личности, мы обратились к трудам ученых, развивающих идеи Л.С. Выготского о том, что «исток вербального мышления выводятся из культуры», а не из биологии, что тип мышления соответствует виду деятельности и связывающих неоднородность человеческого мышления с функциональной специализацией полушарий мозга⁸⁶. Очевидно, что предположение о доминировании правополушарного типа мыслительной деятельности у сельских жителей имеет важное значение для более полного исследования и трактовки лингвистического материала.

Методика эксперимента, позволяющего определить доминантный (правополушарный или левополушарный) тип мыслительной деятельности, описанная Т.В. Черниговской и В.Я. Деглиным⁸⁷, достаточно проста и органично вписывается в набор опросников, применяемых в рамках диалектологической экспедиции. Для эксперимента берется десять силлогизмов: 1-й тип – «абстрактные» силлогизмы (не предполагается наличие эмпирических знаний), 2-й тип – «конкретные» (для ответа на вопрос может быть привлечен жизненный опыт). В эксперименте участвовало 27 человек, из них представителей группы «Д» – 15 человек, группы «Л» – 12 человек. Каждому испытуемому предъявлялись поочередно 10 карточек с напечатанными на них силлогическими задачами.

Результаты исследования способности решения силлогических задач свидетельствуют об абсолютной доминирующей активности правополушарного, эмпирического типа мыслительной деятельности у информантов, представляющих группу «Д», у представителей группы

⁸⁶ Иванов В. В. Нейросемиотика устной речи и функциональная асимметрия мозга // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 421: Семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика. Тарту, 1979. Т. 2. С. 122–127.

⁸⁷ Черниговская Т. В., Деглин В. Я. Метафорическое и силлогическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 720: Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам. Тарту, 1986. Т. 19. С. 68–85.

«Л» (за небольшим исключением) также отмечается высокий процент эмпирического решения силлогических задач, особенно для решения «конкретных» силлогизмов.

Это дает возможность по-новому осмыслить имеющийся у нас языковой материал: исследования лингвистов и психологов, изучающих онтогенетические и межкультурные типы мышления, показывают, что в стандартном языковом поведении речевая воспроизводящая деятельность правого полушария в большей степени связана с чертами, характеризующими архаическое (мифологическое, комплексное) сознание: правое полушарие хранит готовые, эмпирически усвоенные тексты – фольклорные и этикетные формулы, клише, штампы, фразеологизмы, пользуется не поэлементным, лингвистическим анализом, а целостным, гештальтным восприятием⁸⁸. Все это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что типичный носитель говора не столько выбирает тот или иной вариант произношения, сколько использует в речи готовые фрагменты текста, в которых эмпирически заданы практически все его составляющие, в том числе звуковое оформление. Особенно ярко это прослеживается в текстах семейной тематики, рассказах о прошлом. На лексическом уровне это проявляется в использовании устойчивых словосочетаний и выражений, в фонетике – в использовании звукового оформления, привычного для такого текста. Примеры этому можно найти в разговорной речи. Так, информант, для которого обычным является произношение [д'Ад'а], в рассказе о своей юности собственного дядю называет [д'Ед'а], в «современном» контексте – только [д'Ад'а]. Практически у всех информантов старшего возраста употребление более архаичных вариантов отмечается в текстах, повествующих о прошлом, в устойчивых формулах типа [п'Ис'н'и п'Ил'и], [л'Он с'Ияли] и др. Это тем более справедливо для фольклорных текстов; как уже отмечалось, речевая воспроизводящая деятельность правого полушария в существенной степени связана именно с теми формами языка, которые (как фольклорные стандартные эпитеты и формулы) в минимальной степени определяются индивидуальными речевыми характеристиками личности; в этих текстах особенности и закономерности, связанные с доминированием правополушарной речевой деятельности, должны проявляться

⁸⁸ Иванов В. В. Нейросемиотика устной речи и функциональная асимметрия мозга. С.124,125; Сахарный Л.В. Язык правого полушария: миф или реальность? // Язык. Сознание. Этнос. Культура. М.,1994. С.48.

в полной мере. Следовательно, можно предположить, что именно опора на эмпирически усвоенный образец является основным стилиобразующим фактором, неосознанная ориентация на этот «образец» во многом предопределяет выбор тех или иных языковых единиц в речи носителей говора.

Неосознанная ориентация на стандартизированный в своих устойчивых стереотипных формулах эмпирически усвоенный образец (т.е. воспроизводится так, как впервые было усвоено) закономерно приводит нас к вопросу о том, когда текст создавался или входил в местную фольклорную традицию. Время, когда данный текст был усвоен диалектоносителем, – еще один важный фактор, влияющий на выбор языковых единиц в речи носителей говора. Анализ лингвистического материала позволяет утверждать, что ориентация на «местную» или «городскую» произносительную норму того времени, когда усваивался текст, предопределяет набор вариантов выделенных переменных в различных текстах устного народного творчества.

Функционирование единиц фонетической системы в текстах заговоров имеет свою специфику в сравнении с другими текстами устного народного творчества: кроме основного лексического значения слово в обрядовом тексте выполняет еще и магическую, и эстетическую функции, поэтому значимым оказывается не только содержание, но и форма слова. В заговорах, усвоенных в процессе живого речевого общения (что предполагает ритуализированный способ передачи текста – сакральные знания передавались только от старшего к младшему, обычно от бабушки к внучке), текст заучивался наизусть вместе с необходимыми обрядовыми действиями. Установка на сохранение сакрального текста вполне осознанна: «надо тут говорить как положено, если слова менять, это уж ничего не получится» (т.е. заговор не будет иметь магической силы). Звучащий текст как бы застывает и усваивается следующим поколением именно в той форме, в которой он был услышан от предыдущего поколения.

Как уже говорилось, лингвистические данные, полученные в ходе анализа вариантов значений переменных в различных фольклорных текстах, свидетельствуют, что набор тех или иных вариантов произношения определенным образом соотносится с жанром произведений устного народного творчества. Это также может объясняться опорой на эмпирически усвоенный «образец», который подчиняется особым худо-

жественно-эстетическим задачам, стилистике жанра в целом и, в частности, содержит ориентацию на ту или иную («местную» или «городскую») произносительную норму. В заговоре определяющей является ориентация на эмпирически усвоенную норму произношения старшего по возрасту носителя говора. Это объясняет и «архаичность» произношения, отмечающуюся у всех информантов при воспроизведении текстов заговоров, в этом смысле заговоры представляют особый интерес в плане изучения закономерностей развития диалектной системы.

Исследование функционирования языковых единиц в тех или иных текстах устного народного творчества имеет непосредственное отношение к установлению закономерностей, определяющих функционирование фонетической системы говора в целом. Анализ переменных показывает, что когда речь идет о предпочтении одного варианта другому, неизбежно встают вопросы, касающиеся личностных характеристик носителей говора, осуществляющих в речи выбор того или иного варианта, ибо невозможно исследовать диалект отдельно от его носителей, от «говорящего коллектива». Привлечение экспериментальных данных, позволяющих предположить доминирование правополушарного мыслительного типа у сельских жителей, имеет важное значение для понимания закономерностей функционирования языковых единиц всех уровней в речи современных носителей говора.